

СВЕТЛАНА БАРДИНА

Всегда ли социолог — критик, а критик — социолог? Концептуализация исследовательской критики в витгенштейнианской теории

Is It Possible That Sociologists are always Critics, and Critics are always sociologists? Conceptualisation of Research Critique in Wittgensteinian Theory

The article examines the vagueness of the conception of critical sociology in contemporary thought. It is shown that different attempts to overcome the critical theory end up reducing critical sociology to mundane criticism. The author offers a conceptualization of critique in social theory based on particular ideas of Wittgensteinian sociology. This approach allows emphasizing special features of critical sociology, as compared to noncritical thought and everyday criticism, and showing its limits and contradictions.

Keywords: critique, critical sociology, Peter Winch, Ludwig Wittgenstein, sociology of critical capacity, post-critical theory

79

Критическая социология возникает как жест размежевания с традиционной теорией. В ее основании лежит отказ от классической аксиоматики, прежде всего от представления о социальном порядке как о данном, а также признание активной роли социолога по отношению к предмету исследования. Убеждение в непреложности существующего порядка определяло роль и функции классической теории. В этой модели социальная наука — часть сложившейся системы разделения труда; у социолога есть свое место в этой системе, и он не задается вопросом о собственной позиции. Так описывает эту ситуацию Хоркхаймер: «Традиционная теория могла принимать как данность множество вещей: свою позитивную роль в функционировании общества, общепризнанно странное и косвенное отношение к удовлетворению общих нужд, участие в процессе самообновления. Наука не задавалась вопросом обо всех этих неочевидных вещах, <...> но они были проблематизированы в кри-

---

Бардина Светлана Михайловна, факультет философии НИУ ВШЭ (г. Москва), аспирантка. Email: neologyneology@bk.ru
Svetlana Bardina, a postgraduate student at Faculty of Philosophy at National research university 'Higher school of economics', Moscow.

тической мысли» [Horkheimer, 1972, p. 217]. В традиционной модели человек должен был принимать существующие условия как данные и стремиться следовать принятым требованиям. Критическая социология поставила под сомнение непреложность этих правил, предложив проект описания человека в ситуации социального конфликта. В результате через призму конфликта стала осмысляться позиция самого социального теоретика.

Тезис о критической функции социологии стал попыткой пересмотреть «абсолютизированную... контролируемую и идеологическую категорию» [Ibid., p. 194], которой была социальная теория. Однако по мере распространения критической установки стало складываться представление, что «социальная теория с неизбежностью является критической теорией» [Giddens, 1982, p. 15]. Критика перестает быть одной из альтернатив построения социальной теории и начинает выступать средством легитимации социальной науки в целом. Легитимность социологии стала основываться на представлении, что критическая установка — это то, что позволяет социологу заниматься «наиболее насущными для нас проблемами, проблемами, лежащими в основе коренных противоречий и конфликтов всего общества» [Гидденс, 1999, с. 130]. В противном случае социология будет «скучной и бесполезной дисциплиной; изучающие ее, скорее, умрут от тоски, чем побегут на баррикады» [Там же].

80

Если базовая амбиция критической теории была направлена против несомненности роли социолога в сложившейся системе общественных отношений, то в дальнейшем несомненной стала критическая направленность социологии в целом. В итоге критическая установка кажется для социолога безальтернативной; отказаться от нее практически невозможно — это означало бы возврат к догматическому, докритическому мышлению и бессмысленному воспроизводству данностей. Однако безусловное превосходство критической позиции и тот факт, что критика легитимирует деятельность социальных ученых, приводит к потере ее специфики: фигуры социолога и критика сливаются.

Последние годы отмечены появлением разнородных концепций, обосновывающих возможность построения некритической социологии. Латур радикально утверждает необходимость преодоления критического разума [Latour, 2011; Латур, 2014]; Болтански и Тевено указывают, что социология «должна отказаться (хотя бы на время) от критической позиции» [Болтански, Тевено, 2000, с. 71]; схожие идеи выдвигаются в теории искусства [Foster, 2012; Latour, 2002; Pruchnic, 2012].

Постановка осмысленного вопроса о возможности некритической социологии требует в первую очередь прояснения аксиоматики критической теории в ситуации, когда ее постулаты больше

не составляют альтернативу традиционной социальной науке. Иными словами, требуется работа по прояснению установок критической теории, коль скоро мы полагаем, что «критическое» в ней не пустое слово. Эта работа позволила бы отличить ее, с одной стороны, от форм мышления, которые являются социологией, но не являются критикой, а с другой — от тех, которые являются критикой, но не являются социологией.

В данном тексте мы продемонстрируем, что в посткритических проектах первая задача решается во многом за счет отказа от второй. Аксиоматика критической теории воспроизводится таким образом, что специфика социологической критики теряется, и социолог оказывается неотличим от участника заурядного столкновения. Также мы предпримем попытку специфицировать социологическую критику и показать ее отличие от *обыденной* критической деятельности, обратившись к ресурсам витгенштейнианской социологии. Это позволит прояснить установки критической социологии и если не разрушить, то хотя бы подвергнуть сомнению незыблемость формулы «социолог = критик».

Критика критики: критическая социология как метод спора

81

Атака на критическую социологию направлена, прежде всего, на ее легитимирующую функцию. Поскольку легитимность критической теории основана на утверждении способности — благодаря критической рефлексии — получать уникальный доступ к существенным противоречиям социального порядка, критика критики строится таким образом, чтобы поставить под сомнение возможность этого привилегированного доступа к «подлинным проблемам».

Латур для решения этой задачи представляет работу критической мысли в виде простой двухходовой операции. На первом этапе, согласно его модели, любое критическое исследование сводится к антифетишизму. Подвергаемые критике суждения разоблачаются в качестве иллюзий: те, кто придерживаются некоторой позиции, объявляются наивными верующими, а их восприятие объектов — проекцией собственных желаний на нейтральный материальный объект, который фетишизируется. Критик — единственный, кто сохраняет незамутненность сознания и бдительность, — демонстрирует, что в действительности объекты являются пустыми экранами, смысл которым придают сами верующие.

На втором этапе логика критического рассуждения принципиально меняется. «Как только наивные „верующие“ почувствуют собственную значимость, поверят в свою проецирующую способность, вы наносите им новый удар и унижаете их снова, на этот раз пока-

зав, что их поведение, что бы они не думали, полностью обусловлено действием мощных причинно-следственных связей, берущих начало в невидимой им объективной реальности, которую можете видеть только вы, недремлющий критик» [Латур, 2014]. Иными словами, критик показывает, что фетишизация объектов «верующими» — не первопричина их заблуждений. В основании иллюзии лежат некоторые объективные закономерности, например, механизмы социального господства, класс или гендер. Критик не просто показывает ложность убеждений, но демонстрирует «причину работы — манипулятора, обманщика, афериста за сценой» [Latour, 2002, p. 25], существование которого воспринимается как непреложный факт. Этот ход Латур называет «позицией факта»: реальность действия классовых механизмов не подвергается сомнению, они рассматриваются как факты (в противоположность фетишам).

Эффективность конструкции критического мышления, с позиции Латура, основывается на том, что эти два хода делаются последовательно. Объективные силы и закономерности, к которым отсылает критик на втором этапе, вполне можно было бы разоблачить в качестве иллюзии. Однако сила критической позиции состоит именно в ее двойственности: разоблачитель и скептик на первом этапе, на втором критик превращается в «нераскаившегося позитивиста в отношении всех дисциплин, в которые верит, — социологии, экономики, теории заговора, генетики, эволюционной психологии, семиотики» [Латур, 2014].

Предложенная схема демонстрирует произвольность действий критика и самопротиворечивость его позиции: операции, производимые им на разных этапах критики, следуют взаимоисключающим установкам. Эта модель позволяет прояснить отдельные аксиомы критики, но не помогает ответить на вопрос об особенностях критической социологии, или социологической критики. Та произвольность, с которой критик становится антифетишистом в отношении одного объекта и фетишистом в отношении другого, делает критику универсальным занятием, доступным любому, кто освоил схему «фетиш vs факт». Критика в модели Латура оказывается не столько типом исследовательской позиции, сколько стратегией аргументации, позволяющей унижить любого оппонента, если только он не владеет той же техникой. Соответственно критика в концепции Латура практически отождествляется с одним из методов ведения спора. При всей привлекательности подобного решения оно не дает ответ на вопрос, «в чем истинный смысл „критического“ в критической социальной теории» [Pleasant, 2000b, p. 85]. Если критика — это техника спора, то критический социолог ничем не отличается от обыденного участника конфликта, для которого в роли факта будет выступать не объяснительная научная

модель, а здравый смысл, идеология, религия, практика или что угодно другое.

В еще более явном виде критическое исследование отождествляется с действиями спорящего в концепции Болтански и Тевено. Для них базовым концептом, проясняющим сущность критики, является представление о «критическом моменте». Под этим подразумевается ситуация, когда «люди, вовлеченные в повседневные отношения, „делающие что-то вместе“, скажем, в политике, на работе, в профсоюзной организации, и вынужденные координировать свои действия, понимают: что-то не так, и они не могут больше ладить друг с другом, нужно что-то менять» [Болтански, Тевено, 2000, с. 66]. Ситуация, в которой возникает критика, является, по сути, сценой спора.

Почему, согласно этой модели, социология должна отказаться от понимаемой таким образом критической позиции? Проблема критической социологии, исходя из логики Болтански и Тевено, заключается в том, что она не может объяснить собственно критические действия акторов; сама критическая деятельность оказывается слепым пятном, лакуной в объяснительных возможностях социальной теории. По сути, основной их аргумент состоит в том, что социолог, стоящий на критических позициях по отношению к изучаемой им социальной реальности, не сможет в полной мере осознать критический настрой самих социальных акторов. Тем самым критическая позиция социолога и участника конфликта опять же сближаются.

Низведение социологической критики до критической деятельности обыденных акторов может быть аргументом против претензий критической социологии на монополию объяснения социального мира, причем не только потому, что она не предоставляет возможности для неангажированного описания обыденных конфликтов. В модели Болтански и Тевено социологи-критики занимаются выявлением рациональных интересов, стоящих за якобы непредвзятыми действиями акторов; однако точно так же поступают другие агенты взаимодействия. Но социологи легитимируют свою деятельность, ссылаясь на «внеположенность науки по отношению к социальному миру, <...> уклоняясь от необходимости обоснования справедливости своих суждений» [Болтански, Тевено, 2013, с. 36–37]. Утверждение, что работа социолога — одна из форм критической активности, которая должна быть рассмотрена наряду с другими, проблематизирует это различие. Социолог предстает как участник спора, не обладающий никакими преимуществами по сравнению с другими агентами социального взаимодействия, и его претензия на экспликацию сущностных социальных проблем, «коренных противоречий» общества, выглядит неправомерной.

Таким образом, в основании антикритических теоретических ходов лежит попытка концептуализировать критическую деятельность в качестве способа ведения спора. Тем самым критик оказывается рядовым участником конфликта, и его претензия на особую роль в споре, связанную, например, с наличием у него специфически научного инструментария, кажется нелегитимной. Однако в этом описании теряется специфика социологической критики. Критический социолог выглядит просто социологом, который иногда не совсем честным образом вступает в пререкания с оппонентами.

Поэтому перед нами встает задача уточнения типов критики, в рамках которого можно было бы говорить о сущностной специфике критического подхода. Такие попытки, безусловно, делаются (см. [Delanty, 2011; Foucault, 2007; Larsen, 2011]) — чаще всего они связаны с задачей построения классификации различных типов критики и создания единого упорядоченного каталога, в котором каждая модель нашла бы свое место. Например, согласно Деланти, в гуманитарных науках используются как минимум пять несводимых друг к другу представлений о критике [Delanty, 2011]. Однако задача создания всеохватной классификации не кажется продуктивной: вычленение типов, подтипов и более мелких разновидностей критики не сделает более понятной специфику социологической критики как целостного проекта. Таким образом, наша задача — предложить модель, в рамках которой критическая позиция исследователя и, в частности, социолога, могла бы быть концептуализирована таким образом, чтобы ее можно было четко разграничить с позицией участника конфликта.

84

Витгенштейн: два типа критического суждения

Отправной точкой для дальнейших рассуждений будет представление о критике, которое можно найти в витгенштейнианской теории; впоследствии оно было в той или иной форме воспринято в концепции П. Уинча и использовано для исследования эпистемологических возможностей социальной науки.

Критика в рамках витгенштейнианской модели — осмысленная деятельность и существенная, значимая для функционирования сообщества практика. В этой концепции в качестве осмысленных действий понимаются такие, которые выполняются в соответствии с некоторыми правилами; при этом следование правилу невозможно в качестве разового акта отдельного человека — социальные действия получают смысл «из контекста человеческой социальной деятельности, к которой они применяются» [Уинч, 1996, с. 42]. Общее согласие, способное придавать осмысленность человеческим дей-

ствиям, реализуется благодаря тому, что люди принадлежат к той или иной форме жизни, или способу жизни, который разделяется некоторой группой людей и определяет их действия.

На первый взгляд может показаться, что идея «общего согласия» исключает возможность критики (см. [Nielsen, 1967; Plotica, 2013]). Тем не менее, рассуждения Витгенштейна об ошибочных действиях показывают, что критическая деятельность возможна без нарушения согласованности системы практик.

Согласно Витгенштейну, практики совершения, выявления и коррекции ошибок непосредственно встроены в деятельность. «Что такое „выучить некое правило?“ — *Вот что*. Что значит „сделать ошибку в его применении?“ — *Вот что*. И то, на что здесь указывают, представляет собой нечто неопределенное. Упражнение в использовании правила показывает также, в чем состоит та или иная ошибка в его применении. Убедившись [в отсутствии ошибок], человек говорит: да, расчет правилен» [Витгенштейн, 2010, с. 28–30]. Совершение и исправление ошибок — осмысленная деятельность, которая осуществляется в соответствии с определенными правилами; существуют закономерности, согласно которым действие совершается *как ошибка* («Вот что»), опознается как ошибка и исправляется как ошибка. Неправильные действия, равно как и их исправление, — практика, точно такая же, как и любая другая, и точно так же требующая правил и согласованности в их исполнении: «всякое подтверждение и опровержение некоего предположения происходит уже внутри некоторой системы» [Там же, с. 105]. Общая согласованность критики с формами жизни ограничивает ее и определяет формы, в которых она может функционировать, но не отрицает критические практики полностью.

Однако существуют некоторые формы критической активности, которые, следуя логике витгенштейнианской модели, нельзя признать примером осмысленной деятельности. Одним из видов такой критики является оспаривание того факта, что действие в рамках устоявшейся практики в принципе совершается по правилам: «Не возникает спора о том, действовали [математики] согласно правилу или же нет. Дело, например, не доходит до насильственных действий. Это принадлежит строительным лесам, на которых действует наш язык (например, дает описание)» [Витгенштейн, 1994, с. 55]. Можно подвергать сомнению правильность вычисления, но каждый из таких споров в конечном счете находит разрешение. Таким образом, отдельное математическое предложение может стать предметом критики, но математическая достоверность как набор правил (в частности, правило проверки правильности подсчета) при этом не подвергается сомнению. Способность следовать при выполнении математических операций правилам — это то, что

Витгенштейн называет «строительными лесами», на которых покоится деятельность.

Другим примером ситуации, в которой критическое суждение неправомерно, является дискуссия о достоверности чувственных данных. Вот как оценивается в концепции Витгенштейна суждение об ошибочности определения ощущения: сомнение в идентификации ощущения боли: «а заяви он, к примеру: «О, я знаю, что означает „боль“, но не знаю, является ли болью то, что я чувствую сейчас», мы бы просто покачали головой и вынуждены были считать его слова очень странной реакцией <...> Подобное выражение сомнения не присуще данной языковой игре» [Витгенштейн, 2011, с. 288]. Последняя ремарка очень важна. Можно было бы предположить, что критиковать данные о внутреннем переживании невозможно в силу их безусловности, но это не так. Объявлять такие суждения ошибочными нельзя потому, что не существует практики выражения сомнения в правильности подобного рода высказываний или их исправления.

86

И наконец, еще один пример, в котором разоблачительная критика объявляется невозможной, — это деятельность по объяснению обычаев. В «Заметках о „Золотой ветви“ Дж. Фрэзера» Витгенштейн анализирует тип суждения, который применяется Фрэзером для объяснения религиозных обрядов другого народа. «Фрэзеровское изображение магических и религиозных воззрений неудовлетворительно: он представляет эти воззрения как заблуждения» [Витгенштейн, 1989, с. 251], заявляет Витгенштейн, указывая, что исследователь ищет «источник заблуждения», чтобы поставить на его место истину. Фрэзер делает вывод, что магические практики и ритуалы — следствие ошибочного взгляда на природу вещей, и такое рассуждение представляется Витгенштейну «бессмысленным», поскольку магические действия нельзя истолковывать, как «действия, вытекающие из ложного или упрощенного представления о вещах и процессах» [Там же, с. 253]. Напротив, магические ритуалы обретают смысл в силу существования системы сопутствующих им практик.

Что объединяет столь разные примеры? Проблематизацию следования правилу среди математиков, спор о достоверности чувственных данных и разоблачение суеверий, лежащих в основании обрядов? Как уже было сказано, возможность таких споров не допускается существующими языковыми играми, подобного рода сомнения и критика просто невыразимы средствами этих игр. Однако почему, если практики критики, споров и исправлений вполне легитимны, некоторые типы суждений оказываются недопустимы в существующих языковых играх? Это становится ясно благодаря введению различия между самой языковой игрой и «грамматическими правилами» ее функционирования.

Для Витгенштейна предметом осмысленной проблематизации и критики не может быть то, что лежит в основании практики. Такие положения не являются частью языковой игры, но принадлежат ее грамматике. Именно в этом смысле Витгенштейн называет согласие математиков по поводу того, что их деятельность осуществляется согласно некоторым правилам, «строительными лесами». Эти утверждения «сами суть выражения правил языка, для которых не существует контраста, антитезы. Поэтому они ничего не утверждают и не описывают» [Сокулер, 1994, с. 141]. Соответственно грамматические положения являются абсолютно достоверными, и потому не могут быть предметом осмысленного критического рассмотрения или спора. Достоверность таких суждений обосновывается не их эмпирической подтверждаемостью, а именно тем, что они лежат в основе нашей формы жизни, усвоены вместе с ней и позволяют функционировать принятым в ней языковым играм. Недостоверные суждения обосновывают другие высказывания, а, напротив, тот факт, что эти суждения воспринимаются как лежащие в основании множества практик и высказываний, придает им достоверность. «Незыблемое является таковым не потому, что оно очевидно или ясно само по себе, но поскольку надежно поддерживается тем, что его окружает» [Витгенштейн, 2010, с. 144]. Причем это рассуждение будет верно не только в отношении своего, но и чужого сообщества: бессмысленно разоблачать суеверия, лежащие в основе ритуалов туземцев, поскольку само существование и поддержание ритуалов придает этим суевериям абсолютную достоверность.

87

Итак, Витгенштейн четко разводит предложения, принадлежащие языковой игре, и грамматические предложения. Он показывает, что грамматические предложения поддерживаются системой практик, которая покоится на них, и может функционировать при условии того, что эти основания являются для участников практики несомненными. Сама несомненность, достоверность этих предложений обусловлена тем, что мы «принимаем [их] за безусловно надежное, следуя которому мы с полной уверенностью и без сомнения *действуем*» [Там же, с. 196].

Соответственно в рамках витгенштейнианской модели можно выделить два типа критического суждения: суждение, которое проблематизирует грамматические предложения, лежащие в основе формы жизни и поддерживаемые системой практик, и суждение, производимое, например, в ситуации спора по определенным правилам. Для Витгенштейна только второй из типов суждения правомерен. Критическая деятельность в рамках спора, какой бы изощренной она ни была, легитимна; тогда как действия антрополога или философа математики в данной модели бессмысленны,

потому что в них проблематизируется то, что по самой своей сути не может быть проблематизировано.

Для Витгенштейна значим принципиальный вопрос о легитимной и нелегитимной критике. Развитие витгенштейнианской модели в теории Уинча позволяет применить эту логику для описания действий социолога и уточнения исследовательской критической позиции.

Уинч: исследовательская критика и система повседневных практик

88

Питер Уинч рассматривает вопрос, как в социальных исследованиях можно выстроить понимание социальной жизни. В статье «Понимание примитивного общества» этот вопрос проясняется на материале антропологического исследования африканского народа азанде Эвансом-Притчардом. Задача объяснения религиозных практик чужого сообщества интуитивно кажется весьма непростой, ведь такое понимание должно происходить извне, а исследователь не разделяет веры в сверхъестественные силы. Столкнувшись с подобной задачей, антрополог, согласно реконструкции Уинча, пытается сделать практики понятными, выразив их в терминах культуры научной рациональности. Это приводит к тому, что антрополог представляет магические практики как примитивную форму науки, которая выполняет те же функции: объясняет и преобразовывает мир, исходя из практических нужд членов общества. Эванс-Притчард видит принципиальное различие между научным и магическим типом знания: «содержание нашего научного представления о дожде соответствует объективным фактам, тогда как содержание представлений дикарей ненаучно, поскольку не соответствует реальности и предполагает наличие сверхразумных сил» [Winch, 1964, p. 308].

В действиях антрополога, согласно реконструкции Уинча, реализуется следующая схема. Магические верования выражаются на том языке и в тех терминах, которые соответствуют рациональности, характерной для культуры исследователя. Далее из перспективы этой рациональности демонстрируется, что «воздействие колдовства, эффективность магических снадобий, роль оракулов в обнаружении того, что происходит и произойдет в будущем, ошибочны, иллюзорны» [Ibid., p. 307]. Дальнейшая задача исследователя-антрополога заключается в том, чтобы «продемонстрировать, как такая система ошибочных верований и недейственных практик может поддерживаться вопреки опровержениям» [Ibid., p. 309], т. е. в том, чтобы *объяснить ошибку* исходя из внешних факторов (социальных, психологических или каких-либо еще). Антрополог объявляет магию ошибкой, заблуждением, неудачной версией науки, а затем

исследует *приверженность* магическому мировоззрению с помощью объяснительных научных схем.

При объяснении механизма этой работы Уинч следует витгенштейнианской модели, которая позволяет разграничить принципиальную возможность искать ошибки, подвергать сомнению и критиковать те или иные суждения, практики и способы, которые применяет для этой цели исследователь.

Эванс-Притчард, чтобы объяснить магические воззрения иллюзией, использует два метода: эмпирическую *проверку реальностью* и логику. Выявление ошибок посредством этих методов позволяет поставить собственно исследовательский вопрос, который будет решаться с отсылкой к фактам: как такая система ошибочных верований и недействительных практик может поддерживаться вопреки опровержениям? Однако сами азанде регулярно критикуют собственные практики, пользуясь для этого практически теми же методами столкновения с реальностью и логического опровержения. Тем не менее, «опровержения» и «столкновения с реальностью» могут быть принципиально разными.

Рассмотрим классический предмет спора — предсказания оракула (в роли оракула выступает цыпленок, которому дают сильнодействующий яд, в зависимости от того, умирает он или нет, решается исход дела). Очевидно, предсказания оракула, которыми пользуются азанде, могут вступать в противоречие с последующими событиями или друг с другом. Представители магической культуры обращают внимание на эти несоответствия; однако они истолковывают подобные ошибки не как несостоятельность самой системы предсказаний, а как следствие неточностей в проведении процедуры. Члены общества могут сомневаться в отдельных вопросах (к примеру, в эффективности воздействия того или иного снадобья), но это не влияет на их тип мышления в целом. Примерно та же картина наблюдается с попыткой объяснить ошибки через доказательство их нелогичности.

На этом примере видно, в чем заключается специфика критической установки исследователя. Антрополог вскрывает «иллюзии» туземцев и ищет причины их поддержания. Однако он не только объявляет отдельные действия исследуемого народа ошибочными, но показывает, что на ошибке (эмпирической и логической) основывается вся система практик. Нельзя сказать, что выбор того, что будет объявлено иллюзией, произволен: исследовательская критика объявляет заблуждением то, что является *основанием системы повседневных практик*. Уинч исходит из позиции, что бессмысленно разоблачать то, что лежит в основе социальных взаимодействий, воспринимается их участниками как несомненное и дает основания разветвленной сети практик, поэтому он считает, что подобную установку следует отвергнуть.

Исследования чужого общества для Уинча — лишь яркий пример, иллюстрирующий проблемы, которые возникают в любом социальном исследовании. Он указывает, что «полное разграничение „нашей собственной“ и „чужой“ культуры обманчиво, и составляющие „нашей“ культуры могут казаться нам чужими» [Winch, 1997, p. 198]. Логика рассуждений, применимых к антропологу, может быть точно так же применена к социологу, объясняющему поведение членов своего общества, выражая его на языке научной рациональности. Следовательно, дело не в том, чужую или свою культуру постигает (и, возможно, критикует) исследователь, но в том, какими методами он при этом пользуется.

В книге «Идея социальной науки и ее отношение к философии» Уинч высказывается против методов, обыкновенно используемых социологами, а точнее, против доминировавшего во время написания этой работы мнения, согласно которому социальные исследования должны строиться по образцу естественнонаучных дисциплин. В таких исследованиях, исходя из реконструкции Уинча, допускается неявная посылка, что «наука может быть там, где существует единообразие, а единообразие может быть даже там, где мы еще не обнаружили его и даже не имеем возможности открыть его и обобщить в формулы» [Уинч, 1996, с. 52]. Однако в этой логике рассуждения, согласно Уинчу, допускается серьезная ошибка: «методологические вопросы, касающиеся моральных наук, должны рассматриваться как эмпирические, вывод, приводящий к отношению „подожди — увидишь“... Но данная проблема совсем не эмпирическая: она концептуальная» [Там же, с. 55].

Исходя из логики Уинча, проблема социальной науки заключается в подмене эпистемологических вопросов эмпирическими. Различие между фактическими вопросами (которыми оперирует классическая социальная наука) и концептуальными, или грамматическими, которые должны подниматься в социальном исследовании, можно кратко выразить следующим образом: «фактический вопрос состоит в том, каковы факты, а концептуальный или грамматический — в том, что позволяет квалифицировать их как факты» [Anderson, Hughes, Shagrock, 2013, p. 27]. Последователи Уинча приводят пример, который позволяет продемонстрировать неадекватность сведения концептуальных вопросов к эмпирическим. Вопрос, живут ли дронты на Маврикии, может быть решен эмпирически, если мы установим критерии того, что значит быть дронтом и жить на Маврикии. Вопрос о том, существуют ли подлинно альтруистические поступки, не может быть решен таким образом, поскольку при применении «критериев альтруистичности поступка, взятых в отрыве от значения самого поступка для того, кто его совершает», теряется идентичность поступка. «Был ли поступок альтруистич-

ным или нет, не определяется экспериментальными методами» [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008, p. 9].

Попытка понять, был ли поступок альтруистичным, используя для этого методы эмпирической науки, предполагает практически ту же модель, что мы могли наблюдать в действиях антрополога, разоблачающего и объясняющего обычаи туземцев. Социолог находит некоторую проблему, которая не является таковой для членов сообщества; после этого он применяет для ее решения методологию эмпирической науки. Однако все же ситуация социолога, исследующего общество, которому принадлежит он сам, обладает своими особенностями.

Специфика социологической критики

Приверженность социологии такому типу критического суждения неслучайна. Она связана с фундаментальным противоречием, лежащим в основании социальной науки: считается, что социальное исследование должно объяснять то, что нам непонятно, но большая часть социальной жизни не представляет ни для кого проблемы. В этом смысле роль критика, подмечающего проблемы в обыденных действиях акторов, оказывается одним из решений этой проблемы.

91

Чтобы объяснять социальную реальность, социологу требуется сначала разоблачить повседневную деятельность, сделать ее неочевидной, требующей исследования и прояснения. Так он реализует требование, что «исследователю необходимо выхватить некоторые фрагменты общественной жизни и занять позицию наблюдателя, которая для рядового члена общества не является естественной. Кроме того, надо создать проблему там, где ее <...> не видят другие» [Волков, 2008, с. 58]. Другими словами, особенность деятельности социолога — в «исследовании известного, как если бы это был чужеродный объект исследования, вопрошании о том, о чем никто раньше не спрашивал» [Marotta, 2012, p. 684].

Поэтому «социологи пытаются создать проблемы, предлагая странные способы увидеть знакомые нам вещи так, как будто бы они нам непонятны» [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008, p. 36]. Социологические проблемы не принадлежат самой социальной реальности, но являются, скорее, артефактами теорий, которыми оперирует социолог, который, например, смотрит на мировую историю через оптику марксизма или структурализма, представляя события манифестацией той или иной идеи. В социологии проблемой (требующей исследования) становится то, что не является таковой для самих участников социального взаимодействия.

Таким образом, социолог отличается от антрополога тем, что ему требуется сделать дополнительный шаг, произвести «экстернализа-

цию» [Уинч, 1996, с. 89], посмотреть на ситуацию «извне», а дальше применить из достигнутой привилегированной позиции те же объяснительные механизмы (например, методы эмпирической науки). При этом социолог не просто, как это предполагает модель Латура, выбирает то, что будет объявлено фетишем или фактом, или, как это выглядит в концепции Болтански и Тевено, критикует один мир с позиции другого. Критический социолог разоблачает, объявляет иллюзорным то, что *лежит в основании практик того сообщества, которому он принадлежит*. В некотором смысле оказывается, что ресурсом критики выступает не столько обладание научным инструментарием (объяснительными схемами, которые задействуются в эмпирическом социологическом исследовании), а способность в роли исследователя подвергать критическому рассмотрению собственную позицию в качестве участника практики.

Если сравнить эту модель с определением Хоркхаймера, к которому мы обращались в начале, то мы увидим существенную разницу. Классическое понимание критической теории предполагало, что одной из ее основных характеристик является проблематизация позиции самого исследователя. Предложенная модель, напротив, подчеркивает несовпадение этих ролей: социолог подвергает критике то, что лежит в основании его практик, но не практик критического теоретизирования, а его обыденных действий. Таким образом, обращение к витгенштейнианской идее грамматических предложений позволяет определить позицию критического социолога через ее двойственность, а также конкретизировать амбивалентность этой позиции, связанную с тем, что в качестве теоретика социолог должен подвергать критике именно то, что лежит в основе той формы жизни, которой принадлежит он сам.

Витгенштейнианская модель не просто позволяет специфицировать социологическую критику, но также демонстрирует неочевидность этой позиции. Осмысленные суждения получают свой смысл в социальном контексте и встроены в систему практик. Действия социолога-критика в этой перспективе лишены смысла (в отличие от действий участника практики, критикующего и корректирующего ее), поскольку они не принадлежат сообществу, на которое направлены, а проблематизируют его основания, грамматические правила. Применение этой логики к социальной науке позволяет Уинчу объявить неправомерной наиболее распространенную модель социальной теории, в основе которой лежит критическая позиция исследователя.

На данном этапе не проясненным остается вопрос, обязательно ли социолог должен быть критиком и разоблачителем. Иными словами, можно ли быть социологом, не проблематизируя непроблематичные практики собственного сообщества? Вариант ответа

на этот вопрос предлагают Хатчинсон и соавторы, которые пытаются в книге «Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча» развить идеи Уинча в условиях современного состояния социологии. Они утверждают, что в сегодняшней ситуации, когда на смену господству позитивистской методологии пришел целый «рынок методологий и теорий» [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008, p. vii], у социологии есть два пути. Большая часть исследований проводится в форме социальной науки (social science), которая понимается по образцу естественной. В таких исследованиях научность понимается как обоснование теории в сфере социальных наук. Из-за приверженности социологов стандартам, принятым в естественных науках, концептуальные вопросы остаются в таких исследованиях за рамками рассмотрения.

Другой путь — это социальные исследования (social studies), не претендующие на научность. Подобные исследования должны следовать постулату «дескриптивного, а не метафизического описания» [Pleasant, 2000a, p. 304], они не должны привносить в описываемую социальную реальность внешних сущностей. Очевидно, проект таких исследований столкнется с множеством проблем, в частности, с тем, что отказ от использования научных методов, внешних изучаемой практике, закономерно приведет к отсутствию четких методов в этой дисциплине. Однако сама идея социальных исследований, которые не были бы социальной наукой, позволяет нам осознать границу между критическим и некритическим социальным исследованием.

93

Заключение

Мы предприняли попытку прояснить установки критической социальной теории и продемонстрировать, что социологическая критика — это особый проект, который принципиально отличен от деятельности участников обыденных столкновений. Для решения этой задачи мы эвристически использовали витгенштейнианское различие между двумя типами критического суждения, выполняемого по правилам языковой игры, и суждения, которое проблематизирует грамматические предложения этой игры. Исследовательская критика производит суждения второго типа, поскольку в ней проблематизируются положения, которые поддерживаются системой повседневных практик.

Обращение к этой модели также позволило продемонстрировать противоречивость позиции критического социолога. Она продиктована тем, что критические высказывания не могут быть восприняты как осмысленная деятельность в рамках какого бы то ни было сообщества. Также мы показали, что эта проблема возникает в социологии не случайно. Она вызвана необходимостью объяснять

феномены социальной жизни, которые не требуют объяснения для самих участников социальных событий, и требованием видеть значимые нам вещи так, как будто бы они нам непонятны.

Библиография

- Болтански Л., Тевено Л. (2013) *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов*, М.: Новое литературное обозрение.
- Болтански Л., Тевено Л. (2000) Социология критической способности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3(3): 66–83.
- Витгенштейн Л. (1989) Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера. *Историко-философский ежегодник*, М.: Наука: 251–268.
- Витгенштейн Л. (1994) Заметки по основаниям математики. Витгенштейн Л. *Философские работы*, Ч. II, М.: Гнозис.
- Витгенштейн Л. (2010) О достоверности. Витгенштейн Л. *Культура и ценность. О достоверности*, М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Витгенштейн Л. (2011) *Философские исследования*, М.: АСТ: Астрель.
- 94 Волков В.В. (2008) «Метод» Людвиг Витгенштейна. Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик*, СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: 58–71.
- Гидденс Э. (1999) *Социология*, М.: Эдиториал УРСС.
- Латур Б. (2014) Почему критика выдохлась? (http://www.ncca.ru:8008/app/images/file/Bruno_Latour.pdf).
- Сокулер З.А. (1994) *Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века: Курс лекций*, Долгопрудный: Алетро-Пресс.
- Уинч П. (1996) *Идея социальной науки и ее отношение к философии*, М.: Русское феноменологическое общество, XXI.
- Anderson R.J., Hughes J.A., Sharrock W.W. (2013) *Wittgenstein, Winch, and Sociology* (<http://www.sharrockandanderson.co.uk/wp-content/uploads/2013/03/Wittgenstein-Winch-and-Sociology.pdf>).
- Delanty G. (2011) Varieties of critique in sociological theory and their methodological implications for social research. *Irish Journal of Sociology*, 19(1): 68–92.
- Foster H. (2012) *Post-Critical*. October 139, 139: 3–8.
- Foucault M. (2007) *The Politics of Truth*. S. Lotringer (ed.), Los Angeles: Semiotext(e).
- Giddens A. (1982) *Profiles and Critiques in Social Theory*, London: Macmillan.
- Horkheimer M. (1972) Traditional and Critical Theory. Horkheimer M. *Critical Theory: Selected Essays*. N.Y.: Continuum: 188–243.
- Hutchinson P., Read R., Sharrock W. (2008) *There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch*. Aldershot, Burlington: Ashgate.
- Larsen L.T. (2011) Turning critique inside out: Foucault, Boltanski and Chiapello on the tactical displacement of critique and power. *Distinktion. Scandinavian Journal of Social Theory*, 12(1): 37–55.

- Latour B. (2011) Fetish-Factish. Material Religion. *The Journal of Objects, Art and Belief*, 7(1): 42-49.
- Latour B. (2002) What is Iconoclasm? or Is there a world beyond the image wars? B. Latour and P. Weiber (eds.) *Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*, Cambridge, MA: The MIT Press: 14-37.
- Marotta V. (2012) Georg Simmel, the Stranger and the Sociology of Knowledge. *Journal of Intercultural Studies*, 33(6): 675-689.
- Nielsen K. (1967) Wittgensteinian Fideism. *Philosophy*, 42(161): 191-209.
- Pleasants N. (2000) Winch and Wittgenstein on Understanding Ourselves Critically: Descriptive not Metaphysical. *Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 43(3): 289-317.
- Pleasants N. (2000) Winch, Wittgenstein and the Idea of a critical social theory. *History of the Human Sciences*, 13(78): 78-91.
- Plotica L. P. (2013) «This Is Simply What I Do»: Wittgenstein and Oakeshott on the Practices of Individual Agency. *The Review of Politics*, 75: 45-68.
- Pruchnic J. (2012) Postcritical Theory? Demanding the Possible. *Criticism*, 54(4): 637-657.
- Winch P. (1997) Can We Understand Ourselves? *Philosophical Investigations*, 20(3): 193-204.
- Winch P. (1964) Understanding a Primitive Society. *American Philosophical Quarterly*, 1(4): 307-324.

References

- Anderson R.J., Hughes J.A., Sharrock W.W. (2013) *Wittgenstein, Winch, and Sociology* (<http://www.sharrockandanderson.co.uk/wp-content/uploads/2013/03/Wittgenstein-Winch-and-Sociology.pdf>).
- Boltanski L., Thevenot L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [On Critique and Justification: Essays on the Sociology of Projective Cities]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Boltanski L., Thevenot L. (2000) Sotsiologiya kriticheskoi sposobnosti [The Sociology of Critical Capacity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 3(3): 66-83.
- Delanty G. (2011) Varieties of critique in sociological theory and their methodological implications for social research. *Irish Journal of Sociology*, 19(1): 68-92.
- Foster H. (2012) Post-Critical. *October* 139, 139: 3-8.
- Foucault M. (2007) *The Politics of Truth*. S. Lotringer (ed.), Los Angeles: Semiotext(e).
- Giddens A. (1982) *Profiles and Critiques in Social Theory*. London: Macmillan.
- Giddens E. (1999) *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS.
- Horkheimer M. (1972) Traditional and Critical Theory. Horkheimer M. *Critical Theory: Selected Essays*. New York: Continuum: 188-243.
- Hutchinson P., Read R., Sharrock W. (2008) *There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch*. Aldershot, Burlington: Ashgate.

- Larsen L.T. (2011) Turning critique inside out: Foucault, Boltanski and Chiapello on the tactical displacement of critique and power. *Distinktion. Scandinavian Journal of Social Theory*, 12(1): 37-55.
- Latour B. (2011) Fetish-Factish. *Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief*, 7(1): 42-49.
- Latour B. (2002) What is Iconoclasm? or Is there a world beyond the image wars? B. Latour and P. Weiber (eds.) *Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*. Cambridge, MA: The MIT Press: 14-37.
- Latour B. (2014) *Pochemukritikavydokhlas?* [Why Has Critique Run Out of Steam?] (http://www.ncca.ru:8008/app/images/file/Bruno_Latour.pdf).
- Marotta V. (2012) Georg Simmel, the Stranger and the Sociology of Knowledge. *Journal of Intercultural Studies*, 33(6): 675-689.
- Nielsen K. (1967) Wittgensteinian Fideism. *Philosophy*, 42(161): 191-209.
- Pleasants N. (2000) Winch and Wittgenstein on Understanding Ourselves Critically: Descriptive not Metaphysical. *Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 43(3): 289-317.
- Pleasants N. (2000) Winch, Wittgenstein and the Idea of a critical social theory. *History of the Human Sciences*, 13(78): 78-91.
- 96 Plotica L.P. (2013) „This Is Simply What I Do“: Wittgenstein and Oakeshott on the Practices of Individual Agency. *The Review of Politics*, 75: 45-68.
- Pruchnic J. (2012) Postcritical Theory? Demanding the Possible. *Criticism*, 54(4): 637-657.
- Sokuler Z.A. (1994) *Liudvig Vitgenshteini ego mesto v filosofii XX veka: Kurslekttsii* [Ludwig Wittgenstein and his Place in the 20th Century Philosophy: Course of Lectures]. Dolgoprudnyi: Alegro-Press.
- Winch P. (1996) *Ideia sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, XXI.
- Wittgenstein L. (1989) Zametki o «Zolotoivetvi» Dzh. Frezera [Remarks on Frazer's Golden Bough]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow: Nauka: 251-268.
- Wittgenstein L. (1994) Zametki po osnovaniiam matematiki [Remarks on the Foundations of Mathematics]. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. II. Moscow: Gnozis.
- Wittgenstein L. (2010) O dostovernosti [On Certainty]/Vitgenshtein L. *Kul'turait'sennost'. O dostovernosti* [Culture and Value. On Certainty]. Moscow: AST. Astrel', 2010.
- Wittgenstein L. (2011) *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Investigations]. Moscow: AST: Astrel'.
- Volkov V.V. (2008) «Metod» Liudviga Vitgenshteina [Ludwig Wittgenstein's Method]. Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriia praktik* [The Theory of Practice]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 58-71.
- Winch P. (1997) Can We Understand Ourselves? *Philosophical Investigations*, 20(3): 193-204.
- Winch P. (1964) Understanding a Primitive Society. *American Philosophical Quarterly*, 1(4): 307-324.